

Однако, если припомнить переход вандалов в Северную Африку, или завоевание англами, саксами и другими племенами германцев Британии в V—VI вв., или массовые переселения скандинавов в Англию в IX в., а также ряд других перемещений крупных масс населения через морские преграды в раннее средневековье, то станет ясной несостоятельность аргументации Хараниса.

Тем не менее, последний совершенно произвольно сводит численность упомянутых Никифором славян, переселившихся в Малую Азию, к нескольким десяткам тысяч человек, хотя хронист ясно говорит о целых племенах. Харанис утверждает далее, что и эти переселенцы якобы вскоре утратили свою самобытность и подверглись нивелирующему воздействию Византийского государства. Правда, вспомнив о роли славянского населения Малой Азии в восстании Фомы Славянина, он вынужден все же признать, что „есть некоторые данные, которые указывают на то, что процесс византинизации (byzantinization) был медленным, и в течение многих лет славяне Малой Азии сохраняли, по крайней мере частично, свой славянский характер“ (стр. 79). В XI—XIII вв., продолжает Харанис, о славянах в Малой Азии источники почти ничего не сообщают. Подобное молчание он считает возможным объяснить тем, что славяне якобы были поглощены „византийцами“. Следовательно, заключает он, славяне не могли внести ничего нового в общественное развитие империи.

Между тем, совершенно ясно, что Византийская империя, подобно другим империям древности и средневековья, представляла „конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки“.¹ Современные буржуазные византологи предпочитают, однако, подчеркивать мнимую космополитическую сущность Византии, под влиянием которой входившие в империю народы, по их словам, теряли свою самобытность.

Харанис высказывается против мнения В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и других русских историков относительно крупной роли, которую сыграли славяне в истории Византии. Он утверждает, что славянские переселения не оказали никакого влияния на судьбы византийской сельской общины. Указывая, что община существовала на территории Восточной Римской империи задолго до появления здесь славян, Харанис игнорирует тот твердо установленный советской наукой факт, что именно заселение значительной части Византии народами, находившимися на последней стадии разложения первобытно-общинного строя, оживило разрушавшуюся и исчезающую византийскую общину и сделало возможным переход от рабовладельческого способа производства к феодальному. Подобно тому, как германцы „омолодили“ Западную Европу своим родовым строем,² так и вторжение славян содействовало гибели рабовладельческого хозяйства в Восточной Римской империи.³

Тщетные усилия Хараниса умалить роль славян в истории Византии, не останавливаясь при этом перед прямым искажением показаний одних источников и игнорированием других, ясно обнаруживают ту же политическую тенденцию, которая столь резко проявляется в статье Хонигмана и речи Васильева.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 161—163.

³ См. Византийский Временник, т. III, 1950, стр. 12—13.